

Хань Ган так и затрясся от ярости. На лбу у него вздулись вены, а кулаки сжались с такой силой, что побелели костяшки.

— Я тебя сегодня до смерти пришибу! — взревел он, наливаясь багровой краской.

Хань Дуй ловко отскочил в сторону и, встав на безопасном расстоянии, примирительно поднял руки:

— Брат, ты только не горячись. Подумай хорошенько: если ты меня сегодня не пришибешь намертво, то, пока во мне теплится хоть капля жизни, житья я тебе не дам. Сам рассуди: поколотишь ты меня — и что дальше? Моя мать и дядя тебе это спустят? А отец? Думаешь, по головке погладит?

Ганцзы упрямо выпятил подбородок и огрызнулся:

— Я тоже отцовский сын! Не убьет же он меня из-за тебя!

Хань Дуй совершенно спокойно, будто читал лекцию, разложил всё по полочкам:

— Отцовский-то отцовский, спору нет. Но давай прикинем разницу между нами. Вот я: окончил среднюю школу, лицом вышел, душой чист, впереди у меня блестящее будущее. А теперь поглядим на тебя: начальные классы еле осилил, рожей не вышел, злобный как черт, перспектив — ноль, даже бабу себе найти не можешь, приходится родную сестру на обмен пускать. И вот если отцу придется выбирать, кем из нас пожертвовать, как думаешь, кого он вышвырнет первым?

Хань Гана аж перекосило от злости.

— Да плевать мне, пускай отказывается! — в отчаянии завопил он. — Довели человека! Все только и делают, что вытирают об меня ноги!

— Ой, умора! — всплеснул руками Хань Дуй. — Ладно-ладно, ты у нас самый безвинный страдалец. Но давай продолжим разговор. Допустим даже, что отец умоет руки. Знаешь, что тогда сделаю я? Днем я против тебя не сдюжу — силой бог обидел, тут спорить не буду. Зато дождусь ночи, когда ты заснешь без задних ног. Свяжу по рукам и ногам, кляп в рот засуну — и давай тебя плетью охаживать да иголками тыкать. Не захочу марать руки физически — пушу в ход бумагу. Строчу донос,ставляю тебя классовым врагом, и тебя на первом же собрании затаскают до полусмерти. В конце концов, могу и отравы в похлебку подсыпать. Ты ведь понимаешь: у нас дело семейное. Ты меня побьешь — милиция не вяжется, но и за мои «шуточки» тебя никто защищать не станет. Посмотрим, у кого дыхалка глубже и кто дольше протянет. К тому же за моей спиной мать, сестры и даже пес Дахуан. А за тобой кто? Старуха-бабка твоя? Так она у нас в доме не живет. И вообще, думаешь, у меня бабушки нет?

Хань Ган долго молчал, глядя на брата тяжелым, потемневшим взглядом. Наконец он процедил сквозь зубы:

— Ну и гадина же ты. Змеиное у тебя сердце.

Хань Дуй состроил самую невинную гримасу:

— Жизнь заставила, братец. Сам знаешь, я мухи не обижу, на муравья не наступлю. Но если ты посягаешь на мою шкуру, мне ничего другого не остается, кроме как драться насмерть. К тому же, если я ненароком тебя прикопаю, за решетку меня вряд ли упекут. Мал я еще, спишут на превышение самообороны или непреднамеренное убийство. Ну отправят в трудовой лагерь на перевоспитание — делов-то! Буду там прилежно учиться и делать успехи каждый день, как велит председатель Мао. Поработаю на благо родины пару лет, освобожусь с чистой совестью и снова буду хоть куда.

Хань Ган только рот разинул.

— Ишь ты, — выдавил он с угрюмой усмешкой. — До чего предусмотрительный. Всё наперед рассчитал, даже лагерную пайку.

Хань Дуй развел руками:

— Привык планировать на перспективу.

Стоило Хань Дую проявить твердость, как спесь с грозного старшего брата мигом слетела. Он медленно опустил кулаки и, насупившись, глухо спросил:

— Слушай... неужто у тебя совсем совести нет? Я ведь к тебе всегда по-человечески относился. Вспомни, когда ты малым был и с соседскими пацанами дрался, кто за тебя заступался?

Хань Дуй сделал вид, будто припоминает те дни, а затем проникновенно, с наигранной слезой в голосе заговорил:

— Да разве ж я забуду? Было дело, брат, и не раз выручал. Хоть мы и от разных матерей, но кровь-то одна, отцовская. Твоя покойная мать мне теткой приходилась, а моя тебе — тетка родная. Она ведь к тебе все эти годы тоже со всей душой относилась, не чуралась. И жили мы ладно: в других семьях старшие братьев почем зря колотят, а ты меня никогда пальцем не трогал. Вот и скажи на милость — к чему нам этот раздор? Зачем кровь портить друг другу?

Хань Ган вдруг обхватил голову руками и бессильно опустился на корточки:

— Да я просто бабу себе найти хочу! Неужто я в этом виноват?!

Хань Дуй устроился на корточках рядом и покровительственно похлопал его по плечу:

— Твое желание жениться — законно. Мое желание защитить сестру — тоже свято. Мы оба правы, брат. Это мир вокруг нас прогнул.

Хань Ган шмыгнул носом, понемногу успокаиваясь.

— Но давай начистоту, — продолжил ковать железо младший. — Мир миром, а ты сам-то задумывался, почему у других свадьбы играют, а ты один бобылем ходишь?

Тот угрюмо промолчал.

— Не уходи от ответа, — приободрил его Хань Дуй. — Настоящий боец, как писал великий Лу Синь, должен иметь мужество взглянуть в лицо суровой реальности.

Хань Ган долго переминался с ноги на ногу, а потом со злостью выдавил:

— Да чего тут думать... Рожей я не вышел, вот и всё!

Ганцзы вскинул голову, злобно зыркнул на брата и махнул рукой:

— Ну да, другие не такие страхолюдины! Я как в детстве в гости ни приеду, вечно за спиной шептались, что лесная макака и та краше меня уродилась!

Хань Дуй тактично промолчал. Надо же, а ведь у старшенького на редкость адекватная самооценка!

Искренне вздохнув, Хань Дуй еще раз крепко похлопал брата по плечу:

— Ладно тебе. Уродство — не порок, но жить с ним приходится тебе самому. По мне, так любой недостаток пустяковый, если его можно перекрыть жирным плюсом. Внешность мы уже не исправим — чай, ты не чугунная чушка, в мартеновскую печь на переплавку не отправишь. Значит, надо взрастить в себе такое достоинство, чтобы оно затмило твою неважную физиономию.

Брат уныло покачал головой:

— Да откуда у меня достоинства? Грамоте не обучен, из умений — только силушка богатырская. Да только толку с нее? У нас в деревне каждый второй силен как бык.

— А вот тут ты неправ, — возразил Хань Дуй. — Сила — это огромный плюс. Посмотри на меня:

я против тебя сущая дохлятина.

— Тут не поспоришь, дохляк ты знатный, — согласился Хань Ган.

— Вот видишь! — подхватил Хань Дуй. — Но одной силой сыт не будешь, ее нужно направить в правильное русло. Давай договоримся так: я составлю для тебя план на два года. Если будешь беспрекословно мне подчиняться, обещаю — через два года сыграем тебе свадьбу.

Тот недоверчиво насупился:

— Два года? Что-то долго...

Хань Дуй закатил глаза:

— Ты уже больше двадцати лет бобылем маешься, а тут из-за двух лет затылок чешешь?

Хань Ган прикусил язык.

— Молчание — знак согласия, — продолжил младший. — Теперь к делу. Во-первых, тебе придется стать работающим и вежливым. Кончай вести себя как дикий зверь, чуть что — с кулаками бросаться. Будешь и дальше кидаться на людей, к тебе ни одна девка не пойдет, будь ты хоть первым красавцем на селе.

— Ладно... — совсем сдулся Ганцзы. — Постараюсь исправиться.

— Чтобы все увидели, какой ты работающий, на полях трудись в полную силу, а дома берись за любые дела. Посуду помыть, пол подмести — всё должно на тебе гореть.

Брат вытаращил глаза от изумления:

— В поле спину гнуть — это понятно. Но с какого перепугу я дома бабью работу делать должен? У нас в деревне мужики к венику не прикасаются!

Хань Дуй изогнул бровь и ядовито усмехнулся:

— А они что, тоже страхолюдины первостатейные? Или им тоже приспичило хоть какую-то девку в дом завлечь?

Хань Ган поперхнулся воздухом, не найдя что возразить.

— Вот то-то же, — наставительно произнес Хань Дуй. — Ты, брат, отстал на самом старте, так что теперь бежать придется вдвое быстрее остальных. Подумай головой: кто у нас в деревне сватовством заправляет? Местные кумушки — тетки, бабки да невестки. Если они увидят, что ты по дому шуршишь, мнение о тебе мигом переменится. Станут на каждом углу трезвонить: «Ох и парень золотой этот Ганцзы! Лицом, конечно, не вышел, зато хозяин какой! И в поле первый, и дома всё приберет — баба за ним горя знать не будет». Ну, скажи, разве я не прав?

Заметив, что старший всерьез призадумался, Хань Дуй решил дожать его окончательно:

— Я ведь это не от вредности говорю, брат. Сердце за тебя болит. Кровь не водица, мы одна семья. Если ты так и останешься бобылем, позор падет на весь наш род, и мне перед людьми стыдно будет. Я все эти дни ночей не спал, голову ломал, как тебе помочь, и только этот путь нашел. Если упрешься — пеняй на себя, больше пальцем не пошевелю. И про сестру забудь раз и навсегда. Тут дело решенное, директор Ян лично обещала проверять, как у нее дела.

Хань Ган устался в землю, переваривая услышанное. Тогда Хань Дуй выложил главный козырь:

— И вот еще что. Есть шанс, что меня скоро пристроят в руководство нашей производственной артели. Представь: если я стану кадром, как вырастет твой авторитет? Брат самого начальника! Да девки в очередь выстроятся.

Брат недоверчиво вскинул брови:

— Заливать-то горазд. Правда, что ли?

Хань Дуй уверенно усмехнулся:

— Вот увидишь. Мое слово — кремень.

Ганцзы лишь хмыкнул, но спорить не стал.

В этот момент из-за кустов выбежали запыхавшиеся Хань Мэй и Чэнь Юэсян. Увидев, что Хань Дуй цел и невредим, обе разом облегченно перевели дух.

Хань Дуй тут же подскочил к матери, ласково взял ее под руку и затараторил:

— Мам, а мы тут как раз со старшим братом по душам потолковали! Всё обсудили, помирились. С сегодняшнего дня беремся за ум, будем сообща хозяйство поднимать. Глядишь, года через два и невестку в дом приведем!

Чэнь Юэсян перевела недоуменный взгляд с младшего сына на насупившегося старшего.

Чудеса, да и только! Расспрашивать при пасынке она не решилась, а потому лишь кивнула:

— Ну и славно... Раз помирились, так тому и быть. Как в народе говорят: коли меж братьями ладу нет — жди от чужаков бед. Держитесь друг за друга.

Едва она договорила, как с обратной стороны высившегося неподалеку стога сена донеслось сухое покашливание.

Хань Дуй вздрогнул. Надо же, подслушивает кто-то!

Заглянув за стог, он обнаружил пожилого бухгалтера нашей артели, Чжан Синьшэна. Тот преспокойно сидел на корточках и попыхивал самокруткой. На фоне пройдохи Ли Маньфу старина Чжан казался кристально честным человеком — мужик прямой, рассудительный, в деревне его искренне уважали.

Хань Дуй тут же расплылся в улыбке:

— Бухгалтер Чжан! А вы тут, я гляжу, на солнышке греетесь? Простите, коли помешали вашему покою.

Бухгалтер Чжан неторопливо выпустил струйку сизого дыма, покосился на юношу и изрек:

— А парень-то у вас не зря штаны за партой протирал. Голова варит, да и язык без костей.

— Ну что вы, Бухгалтер Чжан, — скромно потупился Хань Дуй. — Всё благодаря пониманию старшего брата. Он у меня парень рассудительный, к добрым советам прислушивается.

Услышав голоса, Чэнь Юэсян тоже подошла поприветствовать старика.

Тот лишь приподнял веки и махнул мозолистой рукой:

— Ступайте, ступайте по делам. А я еще посижу, кости на солнышке погрею.

Семья дружным рядком потянулась в сторону дома. Чуть отойдя, Хань Дуй шепотом спросил у матери:

— Мам, а Старшая бабушка убралась восвояси?

Чэнь Юэсян тихонько рассмеялась:

— Убралась, как же! Свекровь ее так лаем обложила, что та только пятками сверкала. Оказывается, и от нашей старухи порой бывает польза.

Хань Дуй философски хмыкнул:

— Беспольных людей не бывает, мама. При правильном подходе даже из навозной кучи можно извлечь знатное удобрение.

Чэнь Юэсян на секунду задумалась. Слова вроде правильные, умные, но сравнивать родную свекровь с навозной кучей... Впрочем, возражать она не стала.

<http://bllate.org/book/19655/1961082>